
УДК 82.0

ББК 83.3

Н 64

Никольский Е. В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной истории и культуры Московского государственного университета геодезии и картографии, e-mail: eugenius-08@yandex.ru

Семантическая роль мотива отчего дома в романах-семейных хрониках

Аннотация:

Проанализирована роль мотива отчего дома в романном субжанре семейная хроника. На примере творчества писателей, чье наследие не связано друг с другом (Всеволод Соловьев (1849-1903) и Джойс Кэрол Оутс (1938)), выявлено, что отчий дом является внешним отображением внутреннего состояния рода. Такие мотивы характерны для русской и зарубежной литератур. В финале обозначены дальнейшие перспективы исследований.

Ключевые слова:

Отчий дом, мотивы, семейные хроники и семейные саги, вырождение и возрождение семьи, аксиология.

Nikolsky E.V.

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of National History and Culture of Moscow State University of Geodesy and Cartography, e-mail: eugenius-08@yandex.ru

Semantic role of motive of a native home in novels - family chronicles

Abstract:

The paper discusses the role of motive of a native home in a novelistic subgenre of the family chronicle. The author uses creativity of writers, whose heritage is not connected with each other (Vsevolod Solovyev (1849-1903) and Joyce Carol Oates (1938)) to show that the native home is an external display of internal state of a family. Such motives are characteristic of the Russian and foreign literatures. At the end of the paper, further prospects of researches are designated.

Keywords:

Native home, motives, family chronicles and family sagas, degeneration and revival of the family, axiology.

Локус дома важен в любой художественной системе. Являясь ближайшей «жилой зоной» человека, феномен дома в большинстве текстов культуры интерпретируется как некое миромоделирующее

ядро, организующее начало, «точка сборки» [1: 4], в которой сходятся существеннейшие показатели самоощущения человека в мире. «Дом, стал точкой кристаллизации в создании различных до-

стижений цивилизации, символом самого человека, нашедшего свое прочное место во Вселенной» [2: 73] А сама по себе универсальная «...категория дома (в первую очередь в ее христианской православной трактовке), ... в полной мере отражает преемственность в русской литературе XX - XXI веков, что во многом и доказывает системное постоянство художественной концепции личности» [3: 48].

В семейных хрониках [4] Дом является смысловым и пространственно-энергетическим центром, вокруг которого группируются другие мифологемы и образы. Дом — это место, где начинается и заканчивается жизнь. Дом вмещает в себя память и забвение. Дом несет в себе память рода. В русской и мировой литературе образ дома - одна из важных семантических составляющих национальной картины мира. Так, в поэзии А. С. Пушкина «тема дома, — по справедливому мнению Ю. М. Лотмана, - становится идейным фокусом, вбирающим в себя мысли о культурной традиции, истории, гуманности и «самостояния человека» [5: 265].

Так, например, в произведении Всеволода Соловьева «Хроника четырех поколений» («Семья Горбатовых») автор создает дополнительный микросюжет, который позволяет нам наблюдать то, как время оставляет свой след в материальном мире, окружающем героев. В романе таким сопровождением действия становятся описания горбатовского дома в их родовом имении. Этот дом становится символом их рода, барометром, показывающим состояние (духовное и материальное) семьи в той или иной момент ее истории. В первой же книге – пентологии «Сергей Горбатов» – мы встречаемся с описанием дома. Он находится в несколько запущенном, но все же хорошем состоянии. Это символизирует временный «уход в тень» семьи, но и указывает на хорошие перспективы. Сергей Горбатов – старший преображает дом, что и получает символическое значение: «В последние

годы не узнать старого Горбатовского. Дом был перестроен заново, изменена была и внешняя его архитектура. Сергей Борисович не пожалел денег, чтобы отделать свое родовое гнездо. Огромный деревянный дом этот, прежде отличавшийся невзыскательной простотой, наполненный неуклюжей, иногда самодельной мебелью, поражал теперь роскошью обстановки..... В доме, незадолго еще перед тем тихом и унылом, теперь было постоянное оживление, показывающее, что хозяева живут в нем» [6: 420].

В дальнейшем мы увидим разрушение дома, которое будет происходить последовательно, знаменуя разрушение семьи: «Все эти комнаты, знакомые ему до мельчайших подробностей, встречали его (вернувшегося из ссылки Бориса) своей грустной тишиной, своей атмосферой пустоты и затхлости. Весь дом производил на него впечатление кладбища» [7: 29]. В другие места автор, следуя сложившимся традициям русской литературы, вводит множество художественных деталей, подчеркивающих запущенность: полуразрушенную беседку, гнилые бревна стен, противный скрип дверей, запыленные разбитые окна. Возрождение семьи связано с возрождением гнезда. Владимир Горбатов – младший проводит, подобно своему прадеду Сергею, полную реконструкцию и реставрацию усадебного дома. Это указывает на восстановление родовых сил и само возрождение рода. Автор подчеркивает своего рода мистическую связь между семьей Горбатовых и их имением.

В качестве типологической параллели образу дома в русской семейной хронике мы приведем роман современной американской писательницы Джойс Кэрол Оутс «Бельфлер». В нем проявился «глубокий интерес автора к трагическим сторонам американской действительности, политическим, расовым, гендерным и психологическим проблемам, а также к вечной проблеме сути жизни» [8: 119].

В произведении изложена история шести поколений богатых землевладельцев с 70-х гг. XVIII столетия до первой трети XX века. В послесловии к роману Дж. К. Оутс пишет о том, что ее «всегда изумляло стремление зажиточных американцев в XIX – первой половине XX века утвердить себя как американское дворянство путем возведения огромных замков, большие фрагменты которых очень часто транспортировались сюда на пароходах прямо из Европы» [9: 6]. Аналогом барского дома из русских семейных романов здесь становится готический замок рода Бельфлер. По наблюдению Наталии Колядко, когда семья переживала свой расцвет, «замок служил наглядным подтверждением их величия и богатства» [8: 120]. Он выглядел внушительно и свидетельствовал об их принадлежности к клану богатых американских землевладельцев: «Здание с шестьюдесятью четырьмя комнатами было выстроено из известняка и гранита <...> Дом состоял из трех частей: центрального крыла и двух примыкающих к нему крыльев, – каждое из которых было в три этажа высотой и охранялось башнями с бойницами, которые возвышались над ними со своеобразным тяжеловесным изяществом. <...> С противоположного берега Черного озера, с расстояния нескольких десятков миль цвет особняка каждый раз выглядел по-новому, обретая какую-то сверхъестественную красоту в определенное время суток <...> Гнетущее и даже мрачное впечатление от стен и колонн, бойниц и крутых крыши несколько скрадывалось расстоянием, и оттого особняк Бельфлер выглядел воздушным и эфемерным, словно дрожащие цвета радуги» [9: 4]. Со временем династия приходит в упадок, о чем свидетельствует состояние замка в последующее время: «Черепичная крыша протекала во многих местах, башенки покосились и осыпались от штурма дождей и гроз, паркетный пол в вестибюле сильно потрескался

<...>. В открытых башнях ястребы, голуби и другие птицы свили многочисленные гнезда; <...> в замке жили термиты, мыши, крысы, даже белки и скунсы; <...> в нем было множество осевших дверей, которые никогда плотно не закрывались, и перекосившихся оконных рам, которые невозможно было открыть» [9: 6].

Замок в романе является не только символом процветания, упадка и гибели рода Бельфлер, но и своеобразным живым организмом, с которым происходят все те же изменения, что и с семьей. Вначале он способен противостоять «...всем неурядицам и непогодам, но постепенно теряет былую мощь, становится все более уязвимым. В конце романа замок разделяет участь большей части семейства, умирая вместе с ним» [8: 123]. Вместе с тем, он довлеет над членами рода своим прошлым и невозможностью вырваться из него. Поэтому крах замка в романе становится не только символом гибели рода, но и символом ломки традиций и стереотипов, кардинальной смены вех в истории семьи.

Итак, проведенное нами сопоставление наследия писателей, генетически не связанных друг с другом, позволяет нам выявить специфические функции образа дома в их семейных хрониках. Мы выделяем пространственно-онтологическую, сюжетно-композиционную, экзистенциально-интроспективную функции. У Всеволода Соловьева и Джойс Кэрролл Оутс мы видим «Отчий дом» в его семиотической роли некоего смыслового центра, собирающего в единый семантический пучок многие магистральные мотивы и образы. Будучи своего рода связующим звеном между человеком и миром, этот образ включает в себя как внешнее пространство, с которым он связан через образы-маркеры, указывающие на его границу, так и внутреннее пространство, как место обитания человеческой души. При анализе этого образа нами диахронически прослежены закономерности процесса символической и мифопоэтической трансформации

дома (как в энтропийно-разрушительном, так и в духовно-созидательном вариантах). Если же обозначить общий метасюжет разворачивания «домашней» парадигмы, то его следует обозначить как центробежное, а во втором периоде - и энтропийное движение разрушения дома, которое оказывается, по сути дела, движением к смерти. Но одновременно в семейных хрониках возникают особого рода домостроительные, зиждительные тенденции, связанные с религиозными и эстетическими концептами сотворения некоей «духовной архитектуры», символизируя тем самым религиозную идею воздвижения храма внутри души.

Итак, образ «дома» в семейных хрониках, наряду со своими конкретно-бытовыми чертами превращается в знако-

вый элемент «культурного пространства», которое преобразует «по своему образу и подобию» реальное бытие, окружающее человека. И, соответственно, становится одним из важных жанрообразующих факторов в семейной хронике. Однако специфика семейной хроники не исчерпывается спецификой родового локуса и дома (такие мотивы мы можем найти в иных прозаических жанрах), но во многом предопределяется и своеобразием историзма. Категория же «дома лишней раз доказывает не только собственную универсальность, но и перспективность дальнейших литературоведческих исследований художественной концепции личности классической и текущей литератур» [3: 51].

Примечания:

1. Галаева М.В. Образ «дома» в поэзии Анны Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 198 с.
2. Бидерманн Г. Энциклопедия символов: пер. с нем. / общ. ред. и предисл. И.С. Свенцицкой. М.: Республика, 1996. 335 с.
3. Педченко В.А. Категория дома в художественной концепции личности русской прозы рубежа XX-XXI веков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2011. № 3.
4. Для семейных хроник определяющим фактором является изложение истории поколений в строгой линейной (1,2,3) последовательности хронологии событий. Подробнее см. наши статьи: 1) Никольский Е.В. Семейные хроники в современной русской литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2011. № 4. С. 29-33; 2) Никольский Е.В. Истоки и развитие жанра «семейная хроника» в русской литературе: от Нестора до наших дней // Традиции в русской литературе. Н. Новгород. 2011. С. 11-23; Он же. К вопросу о специфике жанра романа-семейной хроники и его зарождении в русской классической литературе» // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Кирилло-Мефодиевские чтения. М., 2009. С. 314-320.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996
6. Соловьев Вс.С. Вольтерьянец. М.: Эксмо, 1993. 420 с.
7. Соловьев Вс.С. Изгнанник. М.: Эксмо, 1994. 435 с.
8. Колядко Н.В. Англоязычная готическая традиция в романах экспериментального цикла Джойс Кэрол Оутс: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2009. 220 с.
9. Oates J.C. Bellefleur. N. Y., 1980. [Перевод отрывков из романа выполнен Наталией Владимировной Колядко].

References:

1. Galaeva M.V. The image of «home» in Anna Akhmatova's poetry: Dissertation for the Candidate of Philology degree. M., 2004. 198 pp.
2. Bidermann G. Encyclopedia of symbols: transl. from German / ed. and introduction by I.S. Svetsitskaya. M.: Respublika, 1996. 335 pp.
3. Pedchenko V.A. Category of home in the artistic conception of a person in Russian prose of the turn of the XX-XXI centuries // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». 2011. No. 3.
4. For family chronicles the defining factor is the telling of the history of generations in strict linear (1,2,3) sequences of events chronology. For more details see our articles: 1) Nikolsky E.V. Family chronicles in modern Russian literature// The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». 2011. No. 4. P. 29-33; 2) Nikolsky E.V. Sources and development of the «the family chronicle» genre in Russian literature: from Nestor up to now // Traditions in Russian literature. N. Novgorod. 2011. P. 11-23; The same author. On the problem of specificity of a genre of the novel of the family chronicle and its origin in Russian classical literature // Language and literature questions in modern researches. Cyril and Methodius readings. M., 2009. P. 314-320.
5. Lotman Yu.M. Inside the thinking of the worlds. Man – Text – Semiosphere – History. M.: Languages of Russian culture, 1996.
6. Solovyov Vs.S. Volteryanets. M.: Eksmo, 1993. 420 pp.
7. Solovyov Vs.S. An exile. M.: Eksmo, 1994. 435 pp.
8. Kolyadko N.V. English Gothic tradition in novels of Joyce Carol Oates' experimental cycle: Dissertation for the Candidate of Philology degree. Minsk, 2009. 220 pp.
9. Oates J.C. Bellefleur. N. Y., 1980. [The extracts from the novel are translated by Nataliya Vladimirovna Kolyadko].